

П.А. Рыбаков

Филиал «Угреша» государственного университета «Дубна»,
140090 г. Дзержинский Московской области, Российская Федерация

Начальный этап коллективизации и раскулачивания в Московской области (1929–1930 гг.)

В статье на основе широкого привлечения опубликованных документов, архивных материалов, а также материалов центральной и местной прессы конца 1920-х – начала 1930-х гг. освещается начальный этап политики коллективизации и раскулачивания в Московской области, объединявшей в то время территории бывших Московской, Рязанской, Тульской, части Тверской и Калужской губерний. Рассматривается, как выработывалась политика коллективизации и раскулачивания, основные методы и средства их практического осуществления. Показаны основные формы сопротивления крестьян политике коллективизации и раскулачивания, их масштабы. Особое внимание уделяется рассмотрению мероприятий по исправлению ошибок и перегибов, допущенных в ходе коллективизации и раскулачивания в Московской области. К числу таких мероприятий относилась работа по проверке правильности раскулачивания, по восстановлению в избирательных правах граждан, незаконно лишенных таковых, и т.д. В заключительной части статьи подводятся итоги проведения коллективизации в изучаемом регионе к концу 1930 г.

Ключевые слова: коллективизация в Московской области, раскулачивание, крестьянство, деревня, колхозы, репрессии, крестьянское сопротивление

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбаков П.А. Начальный этап коллективизации и раскулачивания в Московской области (1929–1930 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 4. С. 30–45. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-30-45

P.A. Rybakov

Branch “Ugresha” of Dubna State University,
Dzerzhinsky, 140090, Moscow region, Russian Federation

The initial stage of collectivization and dispossession in Moscow region (1929–1930)

Based on the study of various published documents, archival materials, as well as materials from the central and local press of that time, the article highlights the initial stage of the policy of collectivization and dispossession in Moscow region, which at that time united the territories of the former Moscow, Ryazan, Tula, parts of Tver, and Kaluga provinces. The article considers how the policy of collectivization and dispossession was developed, its dynamics, basic methods and means of practical implementation. The main forms of peasant resistance to the policy of collectivization and dispossession of kulaks, and their scale are shown. Particular attention is paid to the consideration of measures to correct errors and excesses made during the collectivization and dispossession in Moscow region. These activities included work on checking the correctness of dispossession, restoration of voting rights, etc. The final part of the article summarizes the results of collectivization in the studied region by the end of 1930.

Key words: collectivization in Moscow region, dispossession, peasantry, village, collective farms, coercion, repression, peasant resistance

FOR CITATION: Rybakov P.A. The initial stage of collectivization and dispossession in Moscow region (1929–1930). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 30–45. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-30-45

Тема коллективизации сельского хозяйства всегда привлекала внимание отечественных исследователей, получив широкое освещение в отечественной литературе. Ей посвящено немало книг, монографий, статей, брошюр. Однако политика коллективизации на материалах отдельных регионов остается все еще малоизученной. Это относится и к Московской области. Первые исследования, посвященные коллективизации в Московском регионе, появились в конце 1940-х – первой половине

1950-х гг. [7; 24; 28]. Однако они, как правило, отличались узостью источниковой базы, присутствием элементов схематизма и иллюстративности. В начале 1970-х гг. вышла монография Л.А. Козловой, посвященная роли московской партийной организации в осуществлении коллективизации сельского хозяйства [17]. Несмотря на привлечение архивного материала, автором практически не были исследованы вопросы раскулачивания, социального протеста, а общая оценка коллективизации мало отличалась от официальной концепции. Из современных исследований следует выделить монографию Е.А. Кирьяновой, в которой автор на основе богатого архивного и документального материала изучает динамику коллективизации и раскулачивания в деревнях и селах Центра России, рассматривает формы и методы противодействия крестьян их проведению, анализирует итоги осуществления преобразований в аграрной сфере в данном регионе [14].

На 1 июня 1929 г. в Московской области насчитывалось 1707 сельскохозяйственных коллективов, из них 6,3% коммун, 41,5% сельхозартелей и 52,2% товариществ по совместной обработке земли. Колхозный сектор охватывал менее 2% крестьянских хозяйств [19, л. 6]. В начале января 1930 г. на заседании Бюро МК ВКП(б) была поставлена задача добиться к концу 1929/1930 г. объединения в колхозы 40–50% крестьянских хозяйств области, а коллективизацию всего сельского хозяйства области завершить к весенней посевной кампании 1932 г. [Там же, л. 8].

Многие бедняки, батраки и часть середняков вступали в колхозы добровольно, видя в них единственную возможность улучшить свое материальное благосостояние и культурное положение. Например, в селе Шилово Шиловского района Рязанского округа Московской области на пленуме райисполкома по вопросу о сплошной коллективизации крестьянин-бедняк Брызгалин говорил: «Сейчас не должно быть таких людей, которые бы отрицали пользу коллективного хозяйства. Только колхоз есть выход из положения. Я представляю себе сейчас положение как революцию в деревне, как гражданскую войну. Только тогда мы свергали власть, а сейчас старое хозяйство» [37, с. 141].

К 20 января 1930 г. в Московской области было коллективизировано 14,1% крестьянских хозяйств, а через месяц уже 73,6% [18, с. 363]. По уровню коллективизации на 1 марта 1930 г. Московская область вышла на 6-е место в РСФСР [41, с. 289]. Впечатленный этими успехами, МК ВКП(б) 18 февраля 1930 г. принял решение, в котором говорилось, что «в процессе весенней посевной кампании сплошная коллективизация области в основном будет закончена» [19, л. 9]. При этом важно отметить, что данное решение прямо противоречило постановлению ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи

государства колхозному строительству», в котором в незерновых районах, к числу которых относилась Московская область, коллективизация должна была завершиться «в пределах пятилетия» [41, с. 85–86].

Однако в стремлении быстрее выполнить установки высшего партийного руководства местные работники и организации повсеместно нарушали принцип добровольности и широко прибегали к угрозам и принуждению. В деревне Тархановская Шатурского района Орехово-Зуевского округа работники местных организаций и работавшие бригады при организации колхозов нередко подменяли разъяснительную работу административным нажимом. Деревня была коллективизирована на 90%. Но как?

На общем собрании крестьяне рассказывали, что их загоняли в колхоз под угрозой, стращали увольнением с работы [29]. В деревне Артемки Шаховского района Московского округа председатель сельсовета Смирнов на собрании по коллективизации говорил крестьянам: «Кто не хочет идти в колхоз, тот враг советской власти. Я таких на три аршина в землю врую...» [42]. В селе Молоди Подольского района того же округа ретивые коллективизаторы угрожали крестьянам: «Кто не войдет в колхоз, у того землю под самое крыльцо запашем, воды не дадим» [6]. В Перемышльском районе Калужского округа доля объединяемых в колхозы хозяйств росла с головокружительной быстротой и в течение двух недель достигла 99,3%.

Колхозы организовывались наскаком. Отдельные ретивые работники умудрялись в течение дня объединять в колхозы по два-три селения. Колхозы не только не укреплялись, но и не оформлялись ни организационно, ни экономически. Большое количество колхозов было коллективизировано только в протоколах, на бумаге. В деревне Зябки были обойдены все бедняцкие хозяйства и взята с крестьян подписка, что они все за колхозы, после чего на собрании середнякам было заявлено: «Раз бедняки за колхозы, то и вы обязаны вступить!» [16]. В деревне Раздолье бригады Белов и Уткин грозили населению высылкой: «Кто не пойдет в колхоз – завтра же в Соловки или на Марс сошлем» [Там же]. В Лихославльском районе Тверского округа уполномоченным при отправке их в районы давалась жесткая установка: «Коллективизировать на 100%». Придерживаясь такой установки и не вдаваясь в подробности, уполномоченные рьяно проводили ее в жизнь, запугивая крестьян: «Не пойдешь в колхоз – не получишь городских товаров»; «Останешься вне колхоза – отведут тебе худшие земли, а то и вовсе выселят» [10]. Крестьяне верили, и... без охоты, без желания, но шли в колхоз. А уполномоченные радовались: задание выполняется! К 1 марта было коллективизировано уже 92% [Там же]. В деревнях Полянское и Дубровка

Тверского района того же округа проводивший коллективизацию председатель Васильевского потребобщества Н.П. Донин вместо толкового разъяснения запугивал крестьян, которые не хотели вступать в колхоз, говоря им: «Мы сперва такого человека угробим. А если и оставим, то нарежем ему пенья. Пусть корчует. А выкорчует – перегоним дальше» [11].

Весьма широко применялись аресты несогласных сельчан. Так, в Бяковском сельсовете Кашинского района Бежецкого округа уполномоченные по коллективизации Буринский и Лобачев производили аресты бедняков и середняков, преимущественно женщин, исключительно за отказ от создания семенного фонда и вхождения в колхоз [12]. Так, в селе Коровки Сапожковского района Рязанского округа милиционер Попов (проводивший собрание) арестовал беднячку Подгузову прямо на собрании за выступление против колхоза, что вызвало большое недовольство крестьян. После этого случая сельчане говорили: «Вот и ходи на собрания – поднимешь руку против колхоза, сразу в милицию попадешь» [37, с. 323–324].

Часто использовались и меры экономического воздействия (налоги, штрафы, лишение снабжения товарами первой необходимости, обложение непосильными заданиями и т.д.). Так, в Першинском сельсовете Алексинского района Тульского округа на тех, кто отказывался вступать в колхозы, пытались воздействовать индивидуальным налогом. При чем облагали не только середняков, но и бедноту [22]. В селе Песочня Шиловского района Рязанского округа рабочая бригада по коллективизации во главе с рабочим из Москвы Баретневым при вербовке угрожала женщинам, не желавшим вступать в колхоз: «Если не вступите в колхоз, мы лишим вас пайка и сахара» [37, с. 400]. В ряде районов Тверского округа (Емельяновский, Тургиновский, Новоторжский, Лихославльский) уполномоченные по коллективизации грозились лишить крестьян, отказывавшихся вступать в колхозы, всех прав на получение из кооперации продуктов первой необходимости [26]. В деревне Алексеевка Сараевского района Рязанского округа крестьянам, которые не вошли в колхоз, давались непосильные твердые задания по поставке семян [27].

Серьезные перегибы допускались при обобществлении семенного фонда, инвентаря и скота. Так, в Васильцевском сельсовете Новоторжского района Тверского округа представитель Новоторжского райкома партии тов. Егоров, прибывший на заседание сельских уполномоченных, авторитетно заявил, что цифры семфонда по району недостаточны, и в категоричной форме приказал их увеличить. Члены сельсовета, оперируя фактами, пытались доказать, что, по их сведениям, семфонда достаточно. Тогда Егоров, демонстрируя худший образец «комчванства», беспепелляционно оборвал выступавших: «Довольно. У меня нет

времени с вами беседовать. Для выполнения моего приказания даю вам срок 24 часа и ни минуты больше. В этот срок цифра, предъявленная мною, должна быть выполнена. А не то – на Луну!» [5]. Поставленные лицом перед сложнейшей задачей и не желая быть отправленными на «Луну», сельсоветчики на собраниях и сходах ставили вопрос перед крестьянской колхозной массой так же категорично, как и представитель райкома: «В 24 часа выполнить задание! А не то – к черту на кулички, на кочки, на болото... на Луну». Тот же Егоров в Загорском районе дошел до того, что вместе с домашним скотом забирал в колхоз кур, уток, гусей и т.п., а наравне с сельскохозяйственным инвентарем обобществлял телеги, колеса и т.д. [Там же].

В деревне Алексеевка Сараевского района Рязанского округа задача по обобществлению инвентаря была возложена на трех местных активистов – Д. Плешакова, И. Кузнецова и А. Белова. Не брезгуя насильственными методами, эта троица отбирала у крестьян сохи, плуги, бороны, мелкий инвентарь, причем у всех подряд, вне зависимости от того, является ли крестьянин членом колхоза или нет [27].

В Рамешковском районе Тверского округа коллективизаторы, закончив работу по организации колхозов, незамедлительно приступили к поголовному обобществлению молочного скота. Здесь руководители районов совершали грубейшие политические ошибки, в частности дали сельсоветам строжайшую директиву к 15 февраля закончить обобществление скота. Конечно, не обошлось без нажима на колхозников. Председатель совета Ровновского колхоза за отказ обобществлять скот арестовал 40 человек. Во многих селениях агитация за обобществление молочного скота сопровождалась неофициальными предупреждениями-угрозами, что колхозники, которые не отведут коров на общественный двор, не будут снабжаться промтоварами. Некоторые активисты до того усердствовали, что силой уводили коров со двора. В деревне Большие Пупцы у беднячки Пурыниной член сельсовета Виноградов с помощью милиционера забрал коров в колхоз, для чего коллективизаторам даже пришлось сломать ворота во дворе [1].

В ряде районов Московской области практиковалось создание неуправляемых колхозов-гигантов. В деревне Куликово Дмитровского района, насчитывавшей 200 дворов, 20 семей (главным образом бедняков) вступили в колхоз. Затем вся деревня была объединена в коммуны «Прожектор». В скором времени коммуна деревни Куликово была включена уже в коммуну-гигант, состоявшую из 12 селений [17, с. 197]. Но особенно показательным в этом отношении был Каширский район. Здесь было создано семь колхозов-гигантов, охвативших 90% всех хозяйств района [23].

Параллельно с коллективизацией на основании Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [41, с. 126–130] осуществлялась политика раскулачивания. Постановление устанавливало категории раскулачиваемых, а также конкретные методы проведения политики раскулачивания. В частности, постановление предписывало «конфисковывать у кулаков... средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы» [Там же, с. 126].

На практике же при раскулачивании у крестьян отбирались не только средства производства, но и предметы домашнего обихода. Так, в Михайловском сельсовете Куркинского района Тульского округа у раскулаченных забиралось все имущество, включая найденные в доме евангелия и псалтыри. Описей отобранного имущества не составлялось, и большая часть изъятых предметов, таких как мебель, кровати и т.д., разбирались отдельными лицами, среди которых оказался и председатель правления колхоза Долженков [36]. В Больше-Коровинском районе Коломенского округа при раскулачивании отбирали не столько средства производства, сколько штаны, юбки, шубки, пеленки и т.п. Отобранные вещи не сдавались колхозу, а увозились в район и складывались в церковь, что-то раздавалось по госучреждениям, милициям, больницам. Нередко работники райисполкома сами обряжались в отобранные у кулаков тулупы [40].

Дмитровский райисполком Орехово-Зуевского округа без ведома окружных организаций мобилизовал ночью нескольких коммунистов, батраков и бедняков и совместно с ними произвел изъятие у кулаков сельскохозяйственного инвентаря, скота, мебели и даже квашеной капусты [31]. Нередко раскулачивание принимало характер бандитизма и грабежей, сопровождалось грубым насилием и издевательствами. Так, председатель Вышковского сельсовета Лихославльского района Тверского округа С.Н. Веселов, придя ночью в дом кулака, потребовал, чтобы ему открыли сундуки и амбар. При этом Веселов самолично ломал замки и без описи забирал все, что попадало ему на глаза, оставляя лишь то, что было надето на членах семьи раскулачиваемого [3].

В селении Кузьминском Весьегонского района Бежецкого округа раскулачили старика Трусова со старухой только за то, что их сын когда-то приторговывал мелочами в разноску. Представитель района некто Гребнев после составления гарантийной описи все имущество, в том числе и хлеб, запер на замок, а стариков оставил голодными. В деревне Подберезье у одной лишенки сняли с ног последние валенки. Там же на площади делили отобранное у кулаков мясо [2]. На совещании

секретариата МК ВКП(б) 19 февраля 1930 г. секретарь МК ВКП(б) Ф.Г. Леонов говорил: «У нас уж если раскулачивают, так раскулачивают до конца и не оставляют никаких средств к существованию» [9, л. 78].

Раскулачивание затронуло не только зажиточную часть деревни, но и часть середняков. Так, в Константиновском районе Кимрского округа из 40 раскулаченных хозяйств оказалось 20 середняцких [32]. В селе Полтево Пеньки Кадомского района Рязанского округа было раскулачено семь середняков. Причем раскулачивание «оформляли» следующим образом: сначала назначенных к раскулачиванию граждан лишали избирательных прав, потом исключали из колхоза и уже потом раскулачивали [37, с. 325]. Случаи раскулачивания середняков признавало и партийное руководство области. Выступая на III Пленуме Московского комитета партии в конце марта 1930 г. первый секретарь МК ВКП(б) К.Я. Бауман говорил: «Мы имели много извращений при раскулачивании... Мы имели целый ряд случаев раскулачивания середняков. Таких жалоб от “раскулаченных” середняков в прокуратуру поступило чрезвычайно много, и при проверке ряд из них оказались справедливыми» [8, л. 72].

Следует отметить, что раскулачивание проводилось не на волне коллективизации, а предшествовало ей, нередко стимулируя ее. Так, например, в селе Шостье Ерахтурского района Рязанского округа после раскулачивания наиболее крепкая часть середнячества, боясь, что их тоже раскулачат, бросилась в сельсовет записываться в колхоз. В результате к вечеру все село оказалось коллективизированным [37, с. 229].

Помимо раскулачивания большое распространение получили и другие формы репрессий. Речь идет, прежде всего, об арестах и внесудебном рассмотрении дел арестованных. В 1930 г. Московская область оказалась на пятом месте в СССР по количеству лиц, осужденных тройками ОГПУ, – 11 245 человек [41, с. 809].

Спешка и разного рода перегибы в организации колхозов, а также при раскулачивании привели к массовым протестам крестьян. Причем, по данным ОГПУ, Московская область по остроте крестьянских выступлений относилась к числу наиболее «сильно пораженных» районов страны [13, с. 144]. Только за первые три месяца 1930 г. в Московской области произошло 230 антиколхозных выступлений и было зарегистрировано 154 террористических акта [41, с. 326–327].

Из пассивных форм сопротивления наибольшее распространение получило уничтожение крестьянами скота перед вхождением в колхозы. Причем в Московской области численность почти всех видов скота в годы сплошной коллективизации весьма серьезно сократилась. Так, если на 1 июля 1929 г. в Московской области поголовье лошадей

составляло 1409 тыс. голов, то к 1 июля 1931 г. – 1085 тыс. Еще более существенным было сокращение поголовья овец и коз: если на 1 июля 1929 г. их поголовье составляло 5139 тыс., то к 1 июля 1931 г. – только 3399 тыс. Количество крупного рогатого скота за то же время сократилось с 2412 тыс. до 2137 тыс. голов [25, с. 190].

После выхода в свет 2 марта 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» [39, с. 191–199] и публикации Постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 14 марта [41, с. 303–305] последовал массовый выход крестьян из колхозов. На 1 июня 1930 г. уровень коллективизации в Московской области, по сведениям Наркомзема, составлял всего 7,2% [43, л. 175].

На прошедшем в конце марта 1930 г. III Пленуме МК ВКП(б) был дан анализ основных причин ошибок и перегибов в колхозном строительстве. Так, в резолюции пленума «О весенней посевной кампании» отмечалось: «Быстрые успехи коллективизации вскружили голову ряду организаций Московской области. Они увлеклись нездоровой погоней за количеством колхозов, увлеклись бумажно-статистическим максимализмом и забыли о главном, а именно о том, чтобы закрепиться на достигнутых успехах и укрепить существующие колхозы как базы для дальнейшего продвижения вперед. Несмотря на неоднократные директивы ЦК и МК, в ряде случаев попирался принцип добровольности, создание колхозов проводилось не на основе действительной организации бедняцко-средняцких масс, а путем административного нажима и угроз. Нередко, без всякого учета местных условий, хозяйственных возможностей и подготовленности самой крестьянской массы, форсированным темпом проводилось обобществление нетоварных коров, мелкого скота, птиц, вопреки прямым указаниям Московского комитета. Наряду с нездоровым увлечением коммунами в ряде районов практиковалась организация беспочвенных гигантов-колхозов. Допущен ряд перегибов в деле раскулачивания, имеются случаи раскулачивания середняка, лишения его избирательных прав и т.п. <...> Все это создало почву для начавшегося в конце февраля отлива из колхозов» [34, л. 119 об. – 120].

Спустя месяц, выступая на IV объединенном Пленуме МК и МКК ВКП(б), уже освобожденный от обязанностей первого секретаря МК ВКП(б) К.Я. Бауман отмечал, что одной из главных ошибок в колхозном строительстве было «непринятие со стороны МК мер против лихорадочной погони целого ряда местных организаций за вздутыми процентами коллективизации. И такая погоня за вздутыми процентами коллективизации, такая спешка, такая торопливость не могли не содействовать извращениям и перегибам в практике колхозного

строительства» [35, л. 20 об.]. Ошибки при коллективизации звучали также на окружном и районном уровнях. В то же время многие партийные работники указывали на то, что перегибы допускались по причине серьезного давления сверху. Так, работники Дмитриевского района Орехово-Зуевского округа жаловались: «Когда приезжаешь в РК ВКП(б), то только и слышишь, что малы темпы, получаешь задание в 2–3 дня коллективизировать ряд деревень» [15]. Секретари ячеек ВКП(б) вызывали своих партийцев и наказывали: «Если в двухдневный срок не коллективизируешь деревню, под суд пойдешь» [Там же]. Работник Арханской партийной ячейки Сандовского района Бежецкого округа тов. Завьялов говорил: «Случаи насильственной организации колхозов были, но они были только по причине того, что нас запугивали сверху» [4].

Признание ошибок не спасло местных партийных и советских работников от арестов и увольнений. Так, в Рязанском округе, по сведениям окружной прокуратуры, к середине апреля 1930 г. за перегибы в коллективизации и раскулачивании было привлечено к партийной, дисциплинарной и уголовной ответственности более 150 работников районных и сельских организаций [37, с. 523]. В 21 районе Московского округа за «искривления классовой линии» при раскулачивании были распущены 67 сельских советов и сняты с работы в советском аппарате 125 руководящих работников, из них 89 председателей сельсоветов [21, с. 126]. В Тульском округе за перегибы в ходе коллективизации и раскулачивания весной 1930 г. было предано суду 119 человек, привлечено к партийной ответственности – 57, снято с работы 146 партийных и советских работников [38, с. 101].

Кроме того, по всем округам Московской области развернулась работа по проверке правильности раскулачивания, по рассмотрению жалоб на незаконное лишение избирательных прав, правильности налогового обложения и т.п. Так, в апреле 1930 г. комиссией Тульского окрисполкома были пересмотрены списки 3704 раскулаченных хозяйств, из которых 2240 было реабилитировано [30, с. 286]. По данным 24 районов Московского округа на 25 мая 1930 г., комиссия окружного исполнительного комитета по проверке правильности лишения избирательных прав рассмотрела 18 125 дел. Комиссия установила, что 12 495 граждан были лишены избирательных прав незаконно [21, с. 126]. В Рязанском округе окружной комиссией на 5 июня было рассмотрено 996 дел по раскулачиванию по 12 районам. Из них утверждено раскулачивание по 624 хозяйствам и отменено в отношении 368 хозяйств [37, с. 644–645].

Массовый выход крестьян из колхозов внес растерянность в ряды местных работников. Так, члены Краснохолмской партячейки Бежецкого округа говорили: «Работать сейчас очень трудно. Крестьянин

не знает, верить нам или нет» [20]. Газета «За коллективизацию», описывая ситуацию в Сандовском районе того же округа, отмечала: «В ряде ячеек района еще до сих пор не изжиты растерянность и паникерство. Отдельные коммунисты по сей день боятся даже говорить о коллективизации» [4].

Несмотря на массовые протесты и развал колхозов, в октябре 1930 г. бюро МК ВКП(б) в своем постановлении «О колхозном строительстве» поставило задачу «добиться... в течение предстоящего года по крайней мере утроения числа крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы Московской области» [33, л. 32].

Таким образом, начальный этап коллективизации в Московской области, как и по всей стране, был одним из самых драматичных в истории колхозного строительства. Особенностью процесса коллективизации в Московской области было то, что руководство Московской области, стремясь соответствовать статусу столичного региона, стремительно форсировало ее темпы, хотя данный регион не относился к числу районов страны, где предусматривалось проведение коллективизации в первую очередь. В результате форсированная коллективизация сопровождалась серьезными извращениями и перегибами. Это вызвало массовые протесты крестьян, приобретшие в Московской области большой размах и особую остроту. Несмотря на массовый распад колхозов, высшее партийно-государственное руководство не отказалось от планов по завершению коллективизации. Уже осенью 1930 г. начался новый этап коллективизации. Причем и в дальнейшем при организации колхозов широко использовались меры принуждения.

Библиографический список / References

1. Административные методы // Правда. 1930. № 71 (4516). 13 марта. [Administrative methods. *Pravda*. 1930. No. 71 (4516). March 13. (In Russ.)]
2. Аребин А., Гжельский Ю. «Ты против колхоза – распишись!». Бежецкие прорывы // Правда. 1930. № 72 (4517). 14 марта. [Arebin A., Gzhelsky Yu. “You are against the collective farm – sign!”. Bezhetsk breakthroughs. *Pravda*. 1930. No. 72 (4517). March 14. (In Russ.)]
3. Беляков А.И. Как «раскулачивали» в Вышкове // Тверская правда. 1930. № 62. 16 марта. [Belyakov A.I. How “dispossessed” in Vyshkov. *Tverskaya pravda*. 1930. No. 62. March 16. (In Russ.)]
4. «Больше настойчивости в проведении генеральной линии партии» // За коллективизацию. 1930. № 63 (813). 28 мая. [“More persistence in pursuing the party’s general line”. *Za kollektivizatsiyu*. 1930. No. 63 (813). May 28. (In Russ.)]
5. Борьба с оппортунистическими искривлениями в коллективизации – важнейшее условие для продвижения вперед // Тверская правда. 1930.

- № 64. 20 марта. [The fight against opportunist distortions in collectivization is the most important condition for moving forward. *Tverskaya pravda*. 1930. No. 64. March 20. (In Russ.)]
6. Взялись за исправление ошибок // Рабочая Москва. 1930. № 67 (2281). 23 марта. [We took up the correction of errors. *Rabochaya Moskva*. 1930. No. 67 (2281). March 23. (In Russ.)]
  7. Волченков Г.И. Политотделы МТС Московской области и их роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1933–1934 гг. // Исторические записки. Т. 58. М., 1956. С. 306–326. [Volchenkov G.I. Political Departments of the machine tractor station of the Moscow region and their role in the organizational and economic strengthening of collective farms in 1933–1934. *Istoricheskie zapiski*. Vol. 58. Moscow, 1956. Pp. 306–326. (In Russ.)]
  8. Доклад товарища Баумана о весенней посевной кампании на III Пленуме Московского комитета ВКП(б), 26–28 марта 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 20. Д. 210. Л. 63–100. [Doklad tovarishcha Baumana o vesenney posevnoy kampanii na III Plenum Moskovskogo komiteta VKP(b), 26–28 marta 1930 g. [Report Comrade Bauman on the spring sowing campaign at the III Plenum of Moscow Committee of the CPSU(B.), March 26–28, 1930]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17 (Central Committee of the CPSU(B.)). Inventory 20. Case 210. Sheets 63–100. (In Russ.)]
  9. Доклад товарища Леонова на совещании при секретариате Московского комитета ВКП(б) о ходе весенней посевной кампании и коллективизации в Московской области 19 февраля 1930 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 12. Д. 136. Л. 78. [Doklad tovarishcha Leonova na soveshchanii pri sekretariate Moskovskogo komiteta VKP(b) o khode vesenney posevnoy kampanii i kollektivizatsii v Moskovskoy oblasti 19 fevralya 1930 g. [Report of Comrade Leonov at a meeting at the secretariat of the Moscow Committee of the CPSU(B.) On the progress of the spring sowing campaign and collectivization in the Moscow Region on February 19, 1930]. The Central State Archive of the City of Moscow. Department of Document Storage of the Socio-political History of Moscow. Fund 3 (Moscow Committee of the CPSU(B.)). Inventory 12. Case 136. Sheet 78. (In Russ.)]
  10. Долголева Т. Округа колхозные // Рабочая Москва. 1930. № 75 (2289). 2 апреля. [Dolgoleva T. District collective farms. *Rabochaya Moskva*. 1930. No. 75 (2289). April 2. (In Russ.)]
  11. Донин работает на руку кулаку // Тверская правда. 1930. № 64. 20 марта. [Donin helps kulak. *Tverskaya pravda*. 1930. No. 64. March 20. (In Russ.)]
  12. За искривление классовой линии к ответственности // Знамя коммуны. 1930. № 41 (1223). 27 марта. [For the curvature of the class line to responsibility. *Znamya kommuny*. 1930. No. 41 (1223). March 27. (In Russ.)]
  13. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. [Ivnitsky N.A. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov) [Collectivization and dispossession (early 30s)]. Moscow, 1994.]
  14. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. [Kiryanova Ye.A. Kollektivizatsiya derevni Tsentra Rossii

- (1929–1932 gody) [Collectivization of the village of the Center of Russia (1929–1932)]. Ryazan, 2006.]
15. Козлов А. За что был распушен Дмитриевский райком ВКП(б) // Колотушка. 1930. № 99 (1894). 30 апреля. [Kozlov A. For what the Dmitrievsky district committee of the CPSU(B.) was dissolved. *Kolotushka*. 1930. No. 99 (1894). April 30. (In Russ.)]
  16. Козлов А. Извлечь политический урок // Коммуна. 1930. № 77 (3456). 19 марта. [Kozlov A. Extract a political lesson. *Kommuna*. 1930. No. 77 (3456). March 19. (In Russ.)]
  17. Козлова Л.А. К победе колхозного строя. Борьба Московской партийной организации за подготовку и проведение коллективизации. М., 1971. [Kozlova L.A. K pobede kolkhoznoogo stroya. Borba Moskovskoj partijnoj organizatsii za podgotovku i provedenie kollektivizatsii [To the victory of the collective farm system. The struggle of the Moscow Party organization for the preparation and conduct of collectivization]. Moscow, 1971.]
  18. Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Рязань, 1971. [Kollektivizatsiya selskogo khozyajstva Tsentralnogo Promyshlennogo rajona (1927–1937 gg.): Dokumenty i materialy [Collectivization of Agriculture in the Central Industrial Region (1927–1937): Documents and materials]. Ryazan, 1971.]
  19. Колхозное строительство Московской области и ошибки партийного руководства // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 11. Д. 901. Л. 6–9. [Kolkhoznoe stroitelstvo Moskovskoy oblasti i oshibki partiynogo rukovodstva [Collective farm construction in the Moscow region and the mistakes of the party leadership]. The Central State Archive of the City of Moscow. Department of Document Storage of the Socio-political History of Moscow. Fund 3 (Moscow Committee of the CPSU(B.)). Inventory 11. Case 901. Sheets 6–9.]
  20. Краснохолмская организация накануне перевыборов // Знамя коммуны. 1930. № 63 (1245). 23 апреля. [Krasnokholmskaya organization on the eve of re-election. *Znamya kommuny*. 1930. No. 63 (1245). April 23. (In Russ.)]
  21. Кукушкин Ю.С. Роль местных органов Советской власти в коллективизации сельского хозяйства (1929–1932 гг.): По материалам Московской области: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1956. [Kukushkin Yu.S. Rol mestnykh organov Sovetskoj vlasti v kollektivizatsii selskogo khozyajstva (1929–1932 gg.): Po materialam Moskovskoy oblasti [Kukushkin Yu.S. The role of local bodies of Soviet power in the collectivization of agriculture (1929–1932): Based on materials from the Moscow region]. PhD diss. Moscow, 1956.]
  22. «Лишь бы дать победную сводку» // За коллективизацию. 1930. № 34 (784). 18 марта. [“Just to give a winning summary”. *Za kollektivizatsiyu*. 1930. No. 34 (784). March 18. (In Russ.)]
  23. Мерецкий Ю. Как не следует проводить политику раскулачивания // Крестьянская газета. 1930. № 11. 5 февраля. [Meretsky Y. How should not pursue a policy of dispossession. *Krestyanskaya gazeta*. 1930. No. 11. February 5. (In Russ.)]
  24. Михайлов П.Д. Московская областная партийная организация КПСС в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства Московской области (вторая половина 1929 – декабрь 1934 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М.,

1954. [Mikhajlov P.D. Moskovskaya oblastnaya partijnaya organizatsiya KPSS v borbe za kollektivizatsiyu selskogo khozyajstva Moskovskoj oblasti (vtoraya polovina 1929 – dekabr 1934 gg.) [Moscow Regional Party Organization of the CPSU in the struggle for the collectivization of agriculture in the Moscow region (second half of 1929 – December 1934)]. PhD diss. Moscow, 1954.]
25. Московская область за 1931–1934 гг. (отчет). М., 1934. [Moskovskaya oblast za 1931–1934 gg. (otchet) [Moscow region for 1931–1934 (Report)]. Moscow, 1934.]
26. Набоко Ф. К суровому пролетарскому суду // Тверская правда. 1930. № 65. 21 марта. [Naboko F. Towards a harsh proletarian court. *Tverskaya pravda*. 1930. No. 65. March 21. (In Russ.)]
27. Образец беззакония // Крестьянская газета. 1930. № 30. 16 апреля. [Sample of lawlessness. *Krestyanskaya gazeta*. 1930. No. 30. April 16. (In Russ.)]
28. Овсянников Г.М. Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. М., 1949. [Ovsyannikov G.M. Moskovskie bolsheviki v borbe za kollektivizatsiyu selskogo khozyajstva [Moscow Bolsheviks in the struggle for the collectivization of agriculture]. Moscow, 1949.]
29. Орехова. Исправляют перегибы, берутся за дело. Тархановский колхоз // Колотушка. 1930. № 83 (1878). 11 апреля. [Orekhova. Correct excesses, get down to business. Tarkhanovsky collective farm. *Kolotushka*. 1930. No. 83 (1878). April 11. (In Russ.)]
30. Очерки истории Тульской организации КПСС. Книга 1. 1883–1937. Тула, 1983. [Ocherki istorii Tul'skoj organizatsii KPSS. Kniga 1. 1883–1937 [Essays on the history of the Tula organization of the CPSU. Book 1. 1883–1937]. Tula, 1983.]
31. Под покровом ночи // За коллективизацию. 1930. № 21 (771). 16 февраля. [Under cover of night. *Za kollektivizatsiyu*. 1930. No. 21 (771). February 16. (In Russ.)]
32. Поднять ярость масс против оппортунизма и его носителей // Коллективная жизнь. 1930. № 90 (620). 19 апреля. [To raise the fury of the masses against opportunism and its carriers. *Kollektivnaya zhizn*. 1930. No. 90 (620). April 19. (In Russ.)]
33. Постановление Бюро Московского комитета ВКП(б) о колхозном строительстве в Московской области от 20 октября 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 631 (Колхозцентр). Оп. 5. Д. 61. Л. 32. [Postanovlenie Byuro Moskovskogo komiteta VKP(b) o kolkhoznom stroitel'stve v Moskovskoy oblasti ot 20 oktyabrya 1930 g. [Decree of the Bureau of the Moscow Committee of the CPSU(B.) on collective farm construction in the Moscow region of October 20, 1930]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 631 (Collective farm center). Inventory 5. Case 61. Sheet 32. (In Russ.)]
34. Резолюция III Пленума Московского комитета ВКП(б) «О весенней посевной кампании» // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 20. Д. 210. Л. 119 об. – 120. [Rezolyutsiya III Plenuma Moskovskogo komiteta VKP(b) «O vesenney posevnoy kampanii» [Resolution of the III Plenum of the Moscow Committee of the CPSU(B.) “On the Spring Sowing Campaign”]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17 (Central Committee of the CPSU(B.)). Inventory 20. Case 210. Sheets 119 turn – 120.]

35. Речь товарища Баумана на IV Пленуме Московского комитета ВКП(б) // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 20. Д. 210. Л. 19 об. – 21 об. [Rech tovarishcha Baumana na IV Plenumu Moskovskogo komiteta VKP(b) [Speech by Comrade Bauman at the IV Plenum of the Moscow Committee of the CPSU(B.)]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17 (Central Committee of the CPSU(B.)). Inventory 20. Case 210. Sheets 19 turn – 21 turn.]
36. Руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б), решительно и быстро покончить с перегибами, с головоуляющим подходом к коллективизации // Коммунар. 1930. № 62 (3484). 16 марта. [Guided by the resolution of the Central Committee of the CPSU(B.) to decisively and quickly put an end to excesses, with a clumsy approach to collectivization. *Kommunar*. 1930. № 62 (3484). March 16. (In Russ.)]
37. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. [Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg.: Khronika golovokruzheniya. Dokumenty i materialy [Ryazan village in 1929–1930: Chronicle of dizziness. Documents and materials]. Moscow, 1998.]
38. Смирнов Ю.Ф. Тульский край в 1920–1930-е годы // Тульская историко-культурная энциклопедия. Тула, 2018. С. 94–105. [Smirnov Yu.F. Tula region in the 1920–1930s. *Tulskaya istoriko-kulturnaya entsiklopediya*. Tula, 2018. Pp. 94–105. (In Russ.)]
39. Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. С. 191–199. [Stalin I.V. Dizziness from success. On the collective farm movement. *Stalin I.V. Sochineniya*. Vol. 12. April 1929 – June 1930. Moscow, 1949. Pp. 191–199. (In Russ.)]
40. «Так не раскулачивают» // За коллективизацию. 1930. № 29 (779). 7 марта. [“So do not dekulakize”. *Za kollektivizatsiyu*. 1930. № 29 (779). March 7. (In Russ.)]
41. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. [Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials]. In 5 vols. Vol. 2. November 1929 – December 1930. Moscow, 2000.]
42. Усердные администраторы помогают врагу // Рабочая Москва. 1930. № 69 (2283). 26 марта. [Zealous administrators help the enemy. *Rabochaya Moskva*. 1930. No. 69 (2283). March 26. (In Russ.)]
43. Ход коллективизации на май-июнь месяцы (По сведениям Народного комиссариата земледелия) // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 631 (Колхозцентр). Оп. 5. Д. 45. Л. 175. [Khod kollektivizatsii na may-iyun mesyatsy (Po svedeniyam Narodnogo komissariata zemledeliya) [The course of collectivization for May–June months (according to the People’s Commissariat of agriculture)]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 631 (Collective farm center). Inventory 5. Case 45. Sheet 175. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 24.09.2020, принята к публикации 18.11.2020
The article was received on 24.09.2020, accepted for publication 18.11.2020

Об авторе / About the author

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, филиал «Угреша» Государственного университета «Дубна», г. Дзержинский Московской области

Pavel A. Rybakov – PhD in History; Associate Professor at the Department of General Education, Branch “Ugresha” of Dubna State University, Dzerzhinsky, Moscow region

E-mail: rybakov_ok@mail.ru